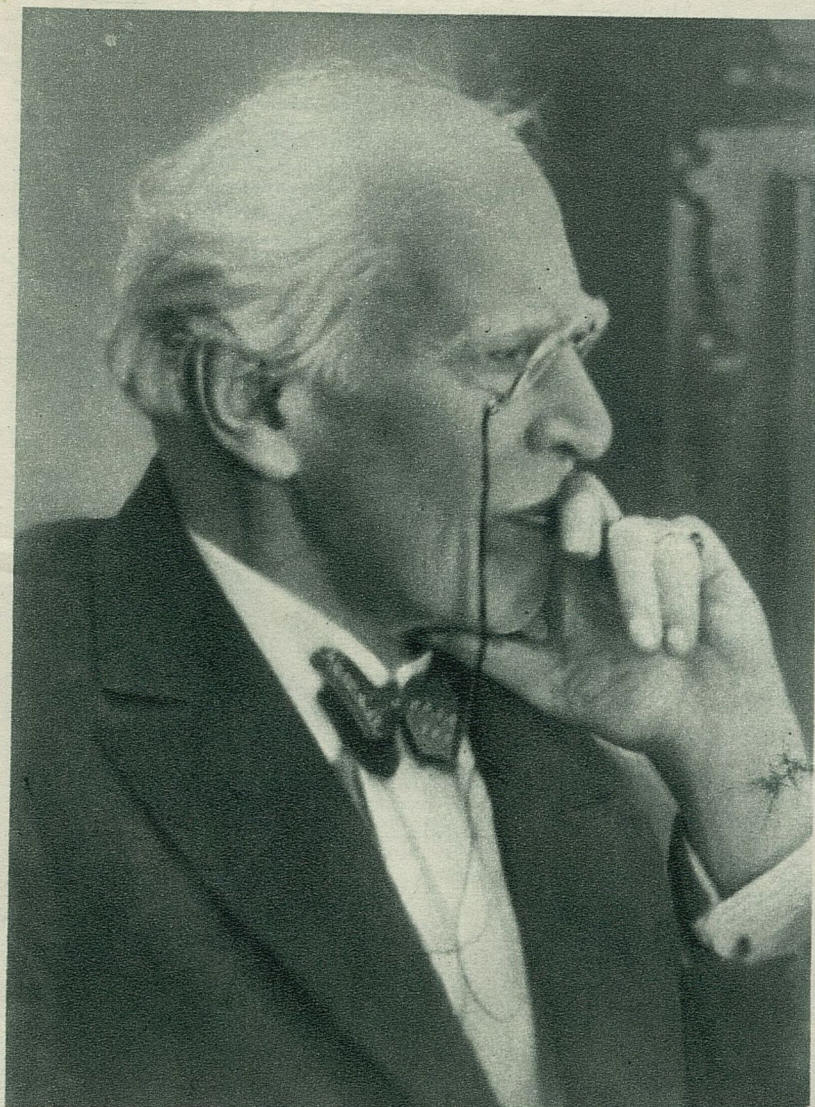

ВЕЛИКИЙ АРТИСТ

К. С. Станиславский в 1933 году.

К десятилетию со дня смерти
К. С. Станиславского

Н. ВОЛКОВ

Если от здания Московского Совета идти улицей Горького по направлению к памятнику Пушкину, то по левую руку возвышается монументальная арка, открывающая вход в улицу Станиславского.

Здесь в течение последних семнадцати лет своей жизни жил великий реформатор русского театра, и здесь десять лет назад, 7 августа 1938 года, он скончался.

Когда-то улица Станиславского звалась Леонтьевским переулком. От своего переулочного прошлого сохранила она тишину и несколько старинных особняков, в одном из которых и протекали труды и дни Станиславского.

Невысокий двухэтажный особняк с просторным старомосковским двориком, где часто любил посидеть с рукописью Константин Сергеевич, теперь стал музеем Станиславского. Несколько лет назад на стене дома была укреплен мемориальная доска с отчеканенным в бронзе орлиным профилем знаменитого его обитателя.

Даты на доске «1863—1938» говорят о сроке жизни Станиславского, и эти три четверти века разворачиваются в памяти как длинный свиток артистических побед Станиславского, его великодушных режиссерских постановок, напряженных научных исследований основ сценического творчества. И весь этот многообразный труд во славу русского искусства, все эти сокровища вдохновения, мысли, мастерства — все это вправлено в рамки московских улиц и площадей, все это оваяно московским воздухом.

Москва видела и маленького

Станиславского, когда он был просто Костей Алексеевым, видел его и подростком, и юношей, и молодым человеком. В Москве молодость сменялась зрелостью, зрелость — старостью.

Москвичи разных поколений любовались высокой статной фигурой Станиславского, его благородной головой, посеребренной ранней сединой, пристальным взором серых глаз под густыми черными бровями, легкой, пружинистой походкой, изящными жестами.

Даже не зная, что это Станиславский, встретив его незначай, нельзя было не проводить взглядом этого величественно красивого человека. И когда А. М. Горький восхищенно назвал Станиславского «красавец человек», он в этом чудесном определении слил воедино ощущение его духовной и телесной красоты.

Москва Станиславского — это семь с половиной десятилетий. Годы 60-е, 70-е, 80-е, 90-е прошлого столетия; 900-е, 10-е, 20-е, 30-е — двадцатого века. Воистину — дистанция огромного размера! Дистанция, где начало жизни совпадает с отменой крепостного права, а два последних десятилетия протекают в Стране Советов. И почти над всей этой жизнью — блеск театра, огни рампы...

По складу своего ума и характера Станиславский принадлежал к беспокойным людям искусства. Он не умел почивать на лаврах успеха, упиваться шумом рукописаний, хвалебными отзывами рецензий и статей.

По своей натуре он был искателем новых земель, исследователем и испытателем. Возьмите его ранние «художественные записки», откройте их первую страницу, где Станиславский пишет о своем дебюте в возрасте 14 лет, и вы поразитесь, как требователен был к себе и к другим этот юный любитель.

И этот дух критики и самокритики, так рано проснувшийся в Станиславском, был неизменным спутником на протяжении всей его жизни.

С именем К. С. Станиславского, как и с именем В. И. Немировича-Данченко, обычно в первую очередь связывается основание Московского Художественного театра, открытого в 1898 году и ныне отмечающего полвека своего существования. Но Художественный театр, хотя и составляет большую часть биографии Станиславского, все же не заполняет ее целиком.

Можно было бы сказать, что с тех пор, как Станиславский увлекся театром, он все время создавал кружки, студии, театры, все время стремился расширять круг своей деятельности.

Сначала это был домашний «алексеевский кружок», потом наступило десятилетие — 1888 — 1898 годы — «Московского общества искусства и литературы», затем, когда настала пора Художественного театра, началась и эпоха студий, особенно интенсивная в годы после Великого Октября. В эти годы Константин Сергеевич, кроме драматических студий Художественного театра, создал оперную студию, ставшую впоследствии оперным театром, и, наконец, в его доме-особняке нашла приют его новая оперно-драматическая студия-школа...

И оттого, что Станиславский любил создавать студии, его постоянно окружала молодежь, и «племя молодое, незнакомое» жадно впи-

К. С. Станиславский проводит занятия со студийцами у себя на квартире (1937 год).

Фото А. Горнштейна

ЗДЕСЬ ЖИЛ СТАНИСЛАВСКИЙ

Фото М. Савина

...Когда вы входите в дом Станиславского,— писал Н. Хмелев,— вас охватывают волнующие и радостные чувства. Константин Сергеевич поднимается с кресла навстречу. Достаточно побеседовать с ним пять—десять минут, чтобы, уходя, почувствовать себя обновленным, как бы очищенным от всякой «скверны» в искусстве.

1

Широкая деревянная лестница с резными перилами приведет вас на второй этаж. Откройте дубовую дверь, и вы войдете в дом-музей К. С. Станиславского. Синие стены вестибюля оттеняют белизну мраморных колонн. В окна пробиваются лучи солнца.

2

Кажется, что сейчас в этот залитый солнцем зал войдет Константин Сергеевич, займет свое место в

любимом кресле у правой стены, протянет руку вперед, и все внимание обратится к нему.

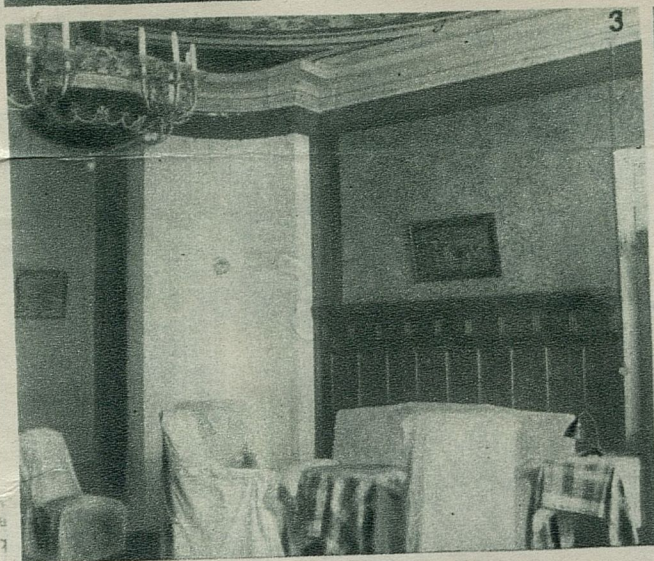
3

В гостиной с огромными зеркальными окнами, нарядно расписанным потолком, богатой люстрой скромно приютились диван, несколько кресел и маленький круглый стол. Лучшие артисты МХАТ вместе со своим учителем просиживали многие дни, а то и ночи в этом уголке в поисках выразительной интонации, искреннего чувства. Здесь рождались образы героев «Мертвых душ», «Талантов и поклонников», «Тартюфа».

4

В тяжелых дубовых шкафах за цветными стеклами хранятся рукописи, заметки, книги, написанные Станиславским за шестьдесят лет неустанныго труда во имя искусства. «Я напрягаю ум, чтоб на бумаге по возможности четко и ясно передать то, что необходимо знать начинающему актеру»,— писал Станиславский Горькому.

Книги «Моя жизнь в искусстве» и «Работа актера над собой» вышли на семнадцати языках, выдержали несколько изданий.

давало уроки-лекции, рассказы, занятия своего гениального учителя.

Перед юной аудиторией развертывались увлекательные беседы о том, как должен актер работать над собой, чтобы достичь высокой, жизненной и правдивой игры на сцене. Опираясь на основы психологии и физиологии, Станиславский учил тем методам создания реалистических образов, которые являлись основой его системы.

Все это пересылалось примерами из собственной практики, богатейшего артистического и режиссерского опыта.

А Станиславскому было что вспомнить и как актеру и как режиссеру! Если даже оставаться в границах только Художественного театра, то и тогда перед нами откроется галерея изумительных сценических портретов, созданных Станиславским. Тут и Сатин горьковского «Диа», и Гаев «Вишневого сада», и Астров «Дяди Вани», и ибсеновский доктор Штокман, и мольеровский Арган, и тургеневский Ракитин, и грибоедовский Фамусов, и Крутицкий Островского.

И такое же разнообразие режиссерских композиций и красок, начиная со сказочных спектаклей

«Снегурочки» и «Синей птицы» и кончая ярким реализмом «Горячего сердца» и лирической глубиной «Евгения Онегина» Чайковского.

Станиславский играл роли, ставил пьесы и никогда не расставался с пером. Последние годы, когда болезнь мешала ему играть, он неустанно работал над своими книгами, стремясь запечатлеть в словах и передать новым поколениям все свои знания, весь свой опыт, все духовные сокровища художника-мыслителя.

Смерть застала Станиславского в разгаре всех его работ. И потому его посмертный образ встает перед нами как образ строителя,

созидателя, вечно молодого, несмотря на годы и болезни.

Торжественно и скорбно проводила Москва своего великого сына, доблестного гражданина к месту вечного успокоения на древнем Новодевичьем кладбище.

Над могилой Станиславского весной цветут вишневые деревья, нетленной красотой сияет московское небо, и вечной памятью окружает народ имя того, кто отдал себя, всю свою жизнь, талант, энергию Родине, кто приумножил достояние русского сценического реализма и чьи творческие заветы будут служить путеводными огнями для многих поколений артистов.